

Сказание о Константине

Заметки внимательного читателя о книге К.Н. Михеева «Стихи Мнемозине»

mironovacolor.org > [Статьи](#) > [Сказание о Константине. Часть 3](#)

Рим времен упадка

*Вскинь же, о Рома, венчанную лавром главу и святую
Преобрази седину в юную свежесть кудрей.
(Рутилий Намациан.)*

Константин Михеев воспринимает культуру Древнего Рима с другой точки зрения по сравнению с писателями и поэтами I — VI веков н.э. (Сенека, Петроний, Ювенал, Марциал, Катон и др.) Поэты далекого прошлого ощущали себя на земле, среди людей, в гуще повседневных дел и забот. Их интересовали главным образом быт и нравы людей, их взаимоотношения, характеры, самосознание. Это взгляд «с уровня земли». О богах говорится большей частью по привычке, укоренившейся от времён Гомера. Истинную религию заменили, по существу, суеверия, или просто словесные формулы.

Поэт XX и XXI века смотрит на Древний Рим с большой высоты — образно выражаясь, с искусственного спутника Земли. С этой высокой точки зрения он видит целиком общие проблемы бытия: бог и человек, жизнь и смерть, порок и добродетель, Рай и Ад, словесность и духовность. Вместе с тем зоркий взгляд Поэта замечает мелкие, но характерные подробности земных реалий, — подобно тому, как делает это оптическая аппаратура Спутника.

Иногда мысли Константина Михеева совпадают с мыслями его далёких предшественников, а порой и противоречат. Вот первый пример: римский поэт IV — V веков н.э. Рутилий Намициан, обращаясь к родному городу, утверждает:

*Мы воспеваем тебя и будем петь до кончины.
Счастлив не будет никто, если забудет тебя.*

Совсем иначе представляет Константин Михеев портрет эпохи и духа времени. Прочтем его стихи.

Дух времени

Достаточно процитировать несколько строчек из «Дневника провинциала» — и комментарии излишни.

*Дым жертвоприношений. Дым пиров.
Яд. Мятежи преторианцев. Слухи.*

*Закончилось столетье. Умер Пан.
солгал невнятно и смешно оракул.*

*Зависла над провинцией звезда,
и был ужасен свет звезды хвостатой!*

*Предчувствием руин и пепелищ
морозами пронзило снежный мрамор.*

Лирический герой Константина Михеева (*Легионер*) — близок к истине, утверждая, что причина всех бед Империи — бесчеловечная «стальная» власть.

*Ни другу не желаю, ни врагу
имперской сталью громохатъ задаром.*

Судьба государства и народа определяется, в сущности, не богами, а императорской властью.

*Железом в плоть вгрызается Судьба —
Империя, судьба и сталь едины.*

...

*Латинская безжалостная речь
Чеканна в материнской волчьей пасти
«Вселенная, внимай: наш кесарь — меч,
Прекрасней нет его двуострой власти».*

Духу времени соответствует пейзаж и звуковое сопровождение.

Провинциал-легионер записывает свои впечатления от военного похода.

Стихи выразительно передают состояние холода, мрака, зловещие звуки и морозный колорит: снег, синева, немного пурпура.

*Зима, синяя метель,
Седые легионные орлы,
Поля безмолвны, небеса багряны,
Холодный ужин, липкий снег
И рвётся вихрь собачьим лаем в дом
Безвестность, бездорожье
Морозом обжигается гортань
Чад, вьюжный ветер мчится
«И горько воет римская волчица
уже скорбя об участи волчат».*

Жизнь и смерть

Все стихотворения римского цикла так или иначе касаются темы «Жизнь и смерть». Римский гражданин не радуется жизни. Для него это — «невольная аскеза/ в объятьях неизбежного греха»; это «самая опасная зараза».

Римлянина не покидают мысли о загробном существовании: там, в царстве теней, он мечтает отдохнуть от скорбей и болей мира сего. Он радуется сну как подобию смерти — «*Да будет сон!*» В ароматах фалерна и цекубы ему чудится приторный запах распада, пламя лампы кажется неживым, а Луна напоминает отсеченную голову.

В стихотворении «*Клодии*» любовники потеряли ощущение времени, им кажется, что время остановилось — а это ли не симптом отмирания души... «Мы все мертвы — от кесаря до черни»... Наша жизнь хуже смерти. Она — «конвульсия желания и страха».

Воплощенный образ смерти — предводитель варварского войска Аттила.

Его невозможно постичь человеческим разумом. Это — божий бич, занесенный над Римом, погрязшим в грехах и преступлениях.

*...и там, где человек лепечет: «Смерть!»
Рокочет эхо вещее: "Аттила!"*

Портрет этого посланца смерти выписан Поэтом с потрясающей силой. В пяти коротких строчках запечатлен и внешний облик Аттилы, и сопровождающие его реалии — пустыня, разбой, дикие звуки ночи, ореол из огня и смрада, ужас неминуемой беды, равной глобальной катастрофе.

Аттила — это «азийская зараза», «гнойный струп на теле мира». На его пути «*руины опаленные пылят / и в ужасе мгновенном звёзды меркнут*».

Не в первый (и не в последний) раз утверждает Поэт первенство воли Создателя во всех земных свершениях. Для римлян Аттила неодолимо силён и велик, но для Бога он ничтожен.

*Ты гибель нам несёшь, но ты — лишь знак,
что гневен Тот, чья воля необъятна,*

пред Кем любой, червю подобно, наг...

И ты пред Ним червю подобен, брат мой!

В этом обращении «брат мой» — заключена некая мысль, которую я не берусь комментировать. Она слишком поразительна. В последней строфе стихотворения Константин, обращаясь к Аттиле, эту мысль несколько проясняет:

*Я лиру взял, чтоб ты избег забвенья,
народы обрекаешь ты на смерть,
быть может лишь затем, чтоб мог я петь...
Божественная цепь! И мы в ней звенья.*

Нравы

*Конвульсия желания и страха.
Приапа чресла и ухмылка Вакха —
Вот зримые черты моей эпохи.
Константин Михеев*

В латинской литературе огромное количество стихов и философской прозы посвящено проблемам морали и этики. Гневные тирады Ювенала, едкие эпиграммы Марциала, морализующие двустипхи и одностипхи Катона, басни Федра, поучающая мудрость Сенеки, лукавая сатира Петрония и Лукиана... Если добавить к этому объёмистые книги латинских изречений — получается ясная картина римских нравов. Не всё в них — грех и разложение.

Громко звучат здесь также голоса вечной общечеловеческой морали и здравого жизнеутверждающего смысла.

Константин Михеев со свойственным ему критическим направлением ума замечает в культуре Древнего Рима более пороки, чем добродетели. Здесь уместно, на мой взгляд, привести афоризмы из стихотворений К.М. римского цикла — без комментариев и систематизации, подобно стихам Катона.

*Вне чисел, прорицаний и законов
Вершатся суд, соитье и разбой.*

*Земное — лишь сумятица апорий.
Небесное — лишь повод для остроумия.*

*Лгут наугад и фарисей, и киник.
Нет веры людям. Веры нет словам.*

*Косматой плотью обрастает имя,
И брызжут слизью гнев, тоска и лень.*

*Наши души — головы Горгоны:
Глянем внутрь себя — и каменеем.*

*Нет ничего. Молитва и проклятья,
Предсмертная агония и смех.*

*Пусть весталки, как прежде, глупы,
А матроны, как прежде, сердиты,
Пусть смешны пересуды толпы,
Злы эдилы, безумны эдикты.*

*Как нечаянно-будничен грех!
Но и вера твоя — не оттуда ль?*

*Пей и пой, и пьяней и пророчь,
Сам с собой в вековечном разладе...*

Если есть где-то высший Судия наших слов и дел — оправдаем перед Ним поэта, отведём упрёк в очернительстве нравов Рима. Такие нравы, возможно, восторжествовали в эпоху поздней империи (от Нерона и далее). При Республике и Юлии Цезаре безнравственность была официально порицаема и даже наказуема: Овидия сослали в вечную ссылку за «Любовные элегии», якобы пропагандирующие дурные наклонности. Это исторический факт.

Философия и религия

Стихотворение «Осеано пох» — итог размышлений К.М. о смысле истории, о религии, о времени и состоянии умов в эпоху упадка Империи.

Богам ещё молятся, приносят жертвы (даже человеческие). Но религия приходит в упадок, как и всё остальное. «*Бог немеет и камень крошится*».

У богов теперь безучастные лица, Алтари покрываются пылью, дым жертвоприношений не торжественный, но мрачный. Молитва неотличима от святотатства.

Вера в богов стала будничной, как грех. Она портится, как старое вино или бёдра танцовщицы.

И человек в растерянности:

*«...о ком бы
гимн хвалебный сложить, и кому
трепеца, посвятить гекатомбы?»*

Наступают плохие времена — точнее, конец света.

*И безвременьем время грозит,
проходя по привычному кругу.*

Подвергаются порче также философия и риторика. Философы занимаются пустыми формалистическими дискуссиями, риторы сорят парадоксами, а глубокомысленные силлогизмы становятся достоянием базарных мимов.

Мысль слабеет, путаются «за» и «против». Рим превращается из культурного центра в «смрадный притон».

Лирический герой Константина Михеева предвидит ход истории — Риму языческому суждено стать христианским. В этом его спасение.

*Я, пронзённый стрелою прозренья,
крикну: "Ты победил, Назорей!"*

Новая эра. Византия

*Минуя дни, претерпеваем смену,
но измененья нам не суждено.
Константин Михеев*

Наступила Новая эра, но она не принесла людям счастья. Как и прежде, они жаждут хлеба, чуда и суда.

*Вращаемся на колесе Фортуны
цари, жрецы, поэты и рабы.*

Повторяются — и первородный грех, и старинная история.

Повторяются сомнения и страхи, звучат всё те же пророчества:

*Что будут мор, и глад, и меч, и порча,
И правый суд на острие времен.*

Продолжается всё та же греховность, унаследованная от Первого Рима:

Открыты настезь двери в лупанаре,

*вершатся в храме пытка и правёж,
и нищий получает свой динарий,
дающему втыкая в спину нож.*

Ничего не видит человек, кроме тьмы.

*Ворочаясь среди стыда и блуда,
воруем, святотатствуем, творим...*

Византии посвящены две большие поэмы. Сравнительно с темой Первого Рима — немного. Но здесь голос Поэта звучит поистине пророчески, с силой и страстью, приводящими на память проклятия Исайи, Иеремии, книги Левит...

*Содрогнитесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные!
Сбросьте одежды, обнажитесь, и препояшьте чресла.
Ибо чертоги будут оставлены; шумный город будет покинут;
Офел и башня навсегда будут служить вместо пещер,
Убежищем диких ослов и пасущихся стад... (Ис.32:11, 14)*

Восточная Римская империя, плоть от плоти Западной, недалеко ушла от своей родительницы в отношении закона, морали, чести и человеческих добродетелей, хотя и осенял её купол св. Софии. И даже под сумрачным и грозным взглядом Пантократора творились безбожные и бесчеловечные дела.

*Жизнь текла, чередуя сои́тья и казни,
прах и золото, пытку и пир.
Предаваясь аскезе, коснея в соблазне,
плоть кипела и полнила мир.
Услаждая посильно её и ничтожса,
раб и кесарь познали: она
для престола благого, греховного ложа
и распятья святого годна.*

Следующие две строфы скупно, но образно живописуют византийские порядки и обычаи, вполне бесчеловечные.

*...история пишется дланью
серафима, сжимающей меч.*

Конец такой истории предсказуем:

*и рухнули древние своды,
и обуглились фрески, скорбя.*

История Византии поучительна для потомства. Её культура в лучших своих проявлениях — христианской письменности, живописи, архитектуре — воспринята нашим временем. Константин Михеев заключает:

*Мы не волны морские, не камни нагие,
Мы — потомство слепое твоё.*

Ренессанс

*Достигнув в подлости больших высот,
Наш мир живёт в греховном ослепленье:
Им правит ложь, а истина в забвенье,
И рухнул светлых чаяний оплот.
(Микеланджело Буонаротти. Пер. А. Махова)*

Стихи Константина Михеева, посвящённые эпохе Возрождения в Италии, немногочисленны — четыре сонета (один из них — о римском князе Чезаре Борджа) и одна большая поэма — о его сестре Лукреции.

Краткость текста обратно пропорциональна его насыщенности поэтическими образами и философской мыслью. Как будто Поэту, побывавшему и в Древней Греции, и в Палестине,

и в Риме (первом и втором) — прискучило видеть везде одни и те же грехи, бедствия и преступления человеческого рода. Поэтому здесь, на пороге Новой эры (переходной от феодализма к капитализму) — К.М., полноправный представитель всего человечества, болеющий душой за его грехи и несчастья — выражает свои чувства максимально кратко.

В этих строфах мы видим невероятную концентрацию иносказаний, аллюзий, метафор, сравнений, оксюморонов, гипербола. Все семьдесят грехов и сорок сороков несчастий, преступлений, святотатств с трудом умещаются в 56-и строчках «Сонетов Ренессансу» и 54-х строчках поэмы «Лукреции Борджа». Герои этих стихотворений пребывают за последним порогом Лимба, где подвергаются наказанию все недоброй памяти ренессансные злодеи — убийцы, стяжатели, содомиты, подлецы, клеветники, кровосмесители, лжецы, богоотступники. Именно таков флорентийский герцог Чезаре Борджиа.

Яд левантйский пузырится в перстне...

...

Сифилитическая кровь волнует вены

Смех полубога сотрясает своды:

Интрига... грех... убийство... Ночь свободы!

Немного славы и немного тлена.

(С последними словами трудно согласиться: и того, и другого — с избытком).

Существенная примета эпохи — утрата истинной веры. Ренессансный Человек самоуверенно воссел на престол вместо Бога, культ «титана Возрождения» заменил богопочитание, а культ красоты, понимаемой в античном духе, возродился в искусстве. Константин Михеев, акцентируя порочность Возрождения, всё же не может игнорировать достижений этой эпохи в культуре.

Мир не безмерностью живёт, но жаждой меры —

Ей пресыщаются рассудок, слух и зреньё.

Эпоха богата шедеврами искусства. Её герои, помимо князей и прелатов — апостолы, шуты, поэты и паяцы. Перед лицом искусства не страшна даже смерть, потому что есть иная боль, иной восторг —

безжалостный резец Буонаротти,

во мраморный вонзённый завиток.

Как следует из третьего сонета — эстетика Возрождения возвращается к античной. Что же касается жизни, бытия — то проблемы остались те же, что и в Средние века.

Настала тьма.

Война и голод. Смута и чума,

тропой братоубийственной и слёзной,

проказой, пеплом, жижею навозной

скверня опустошённые дома,

явились к нам торжественно и грозно

в ристалище таланта и ума.

В стихотворении «Синьорине Лукреции Борджа» Константин Михеев, очевидно, поддаётся обаянию этой женщины, её обманчивой красоте, которая прекрасней всех семи смертных грехов, её неустрашимостью перед лицом неминуемого возмездия. Это напоминает какой-то ницшеанский восторг перед сверхчеловеком, свободным и бесстрашным во всех своих злодеяниях. В завершающих строфах стихотворения Константина Михеева звучит нота искреннего восхищения Лукрецией. Поэт превозмог в себе обычного Человека, питающего ужас перед аморальностью; он со смелостью, присущей Художнику, воспел все богопротивные деяния синьорины.

За каждый взгляд, неизмеримо долгий,

За суд забвенья, яростный и правый,

За ветреную верность бытию,

За многоцветье сумасшедших оргий,

За кубок с пряной сладостной отравой

Благословляем мы судьбу твою.

Легко проклясть то, что богом и людьми проклято, но благословить... для этого надо быть Константином Михеевым.

Продолжение

Л. Миронова,
05.12.2013

[Задать вопрос Мироновой Л.Н.](#)

---

mironovacolor.org > Статьи > **Сказание о Константине. Часть 3**

Сopyright © 2004—2014 Миронова Ленина Николаевна, Иванов Дмитрий Григорьевич

Вопросы, комментарии и предложения высылайте по адресу: frosofco@gmail.com | [ВКонтакте](#) | [Facebook](#)